

Экран и сцена -
1999. - дек (~48) -
9/16

Бесконечное путешествие

Следующий после похорон день я провел в театре, в своем кабинете.

В углу, на столе стоит Женина фотография с черной лентой. Перед ней - рюмка, черный хлеб с поминком.

Мы провели вдвоем целый день. Куда бы я ни двигался по комнате, меня провожали его удивительные глаза. Я подолгу смотрел на серьезное на портрете лицо. И Женя начинал мне улыбаться. Улыбаться едва-едва. В его лице - все было от слова "личность". И эта упрямая улыбка, готовая проявиться в любую секунду, воплощала не только его колоссальный юмор, но всю его человеческую и творческую энергию, волно, неподдельный интерес к жизни во всех ее проявлениях.

Его жизнь была движение. Движение чувств. Движение мысли. Движение артиста. Движение личности. И умер Женя в одну секунду, за рулем своей машины. Остановился на взлете. Не замедлив движения.

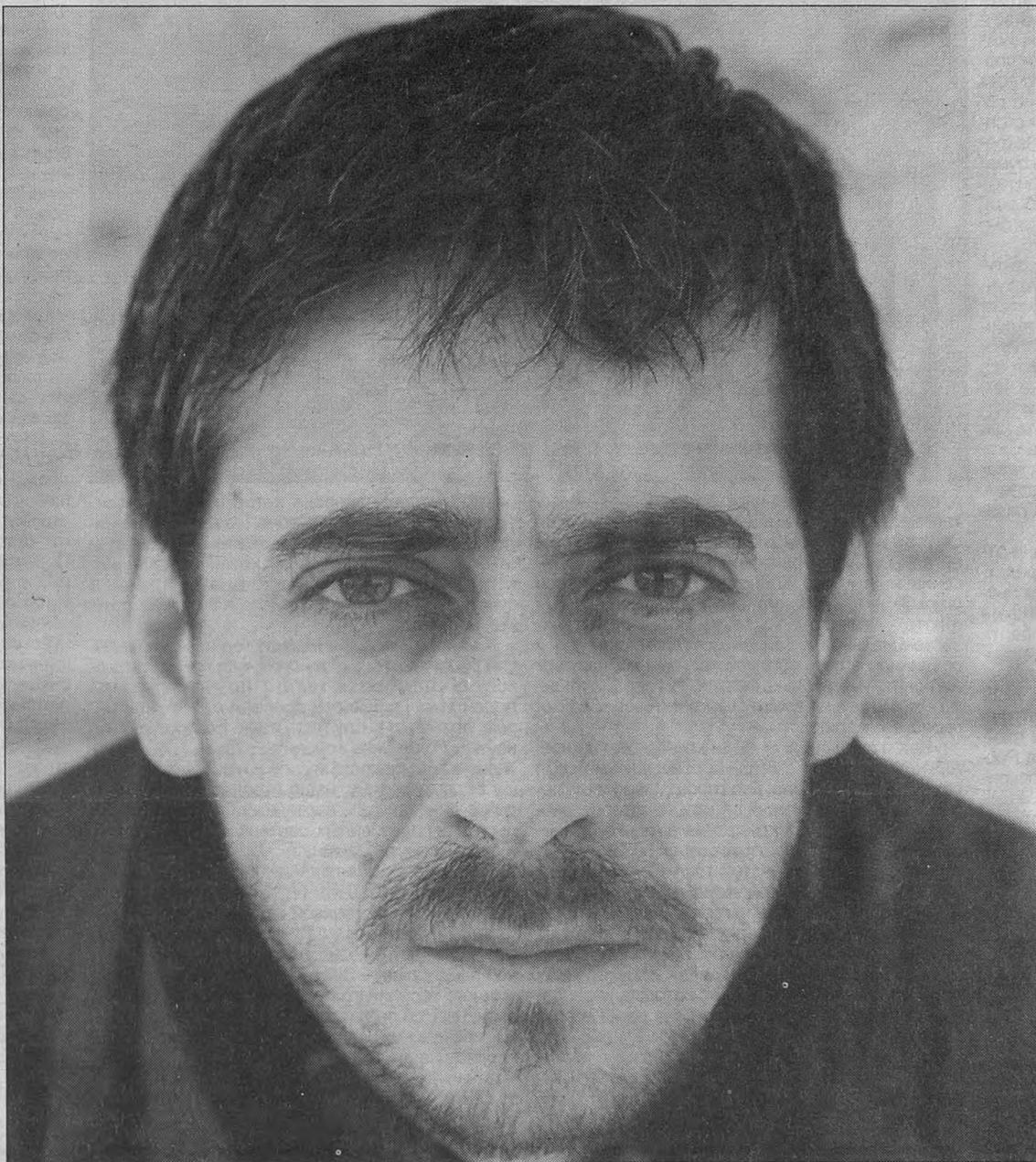
В наш театр Женя попал после окончания до сих пор бесконечно чтимого им Шукинского училища, закончив курс Людмилы Владимировны Ставской. Как и все молодые артисты, поначалу вводился на чужие роли в уже идущие спектакли. И часто потом вспоминал, что ему был важен этот опыт. Он вообще обладал способностью заниматься абсолютно любым делом при полном включении, в этом смысле не теряя время даром. Он естественно включился в ритм времени, социально вписался в сегодняшний день - театр, кино, телевидение, озвучки, бесконечные интервью. И вместе с тем он существовал как бы над суетой. Знал и ценил нечто главное.

Рост артиста прямо пропорционально росту личности. Артист и личность формируются параллельно. Это мое убеждение. Женин рост очевиден и поразителен.

В его характере и таланте уникально сочетались острая, нестандартная, демократическая сущность и некая театральная изысканность, аристократичность. Демократичность, не понятая как разбросанность. Аристократизм, не понятый как высокомерие. Его человеческий диапазон был широк. И настолько же широк диапазон творческий.

Уже в первой его роли - Ведущего в спектакле "Мы играем Маяковского" проявлялось редкое внутреннее поэтическое звучание и богатый диапазон глубокого, красивого голоса.

Он блестяще играл комедийные роли (Бельведонский в "Бане", Панталоне в "Любови к трем апельсинам", Шура Балаганов в фильме "Мечты идиота"). Он был свободным, точным, ярким в характерных ролях (Интер в "Ловушке 46, рост второй", спектакль "Антигона в Нью-Йорке" в "Школе современной пьесы"). В спектакле "Между небом и землей жаворонок вьется" он, молодой, играл человека крайних проявлений, старше себя и обнаружил мощное актерское мужское обаяние и силу. Эти качества развивались в дальнейших его ро-

лях в "Фаусте", "Принцессе Грезе".

И при всем этом, Женя сам говорил, что любимой ролью его была роль Сказочника в "Снежной королеве", что сердце переполнено радостью, когда он выходит на авансцену перед детским зрительным залом, что такой прямой контакт главное, ради чего стоит работать.

Он очень любил, когда в его расписании выпадало сыграть подряд два спектакля "Король Лир". Один - в Молодежном, где он играл Эдмунда. Второй - на Малой Бронной, где он играл Шуту. Параллельно вышли две постановки, и ему очень нравилось на одном материале существовать в разных предлагаемых обстоятельствах, ролях, эстетиках.

Делал он это с азартом. И ту, и другую роль играл замечательно.

Женя отличался требовательностью к себе. Его жесткий самоанализ не оборачивался рефлексией. Он категорически не соглашался с любыми остановками в освоении мастерства, хотел двигаться дальше, дальше. Он был жестко требователен к партнерам и радовался малейшему мгновению подлинного рабочего процесса. Во время работы он никогда не соглашался говорить неправду. Его непримиримость была всегда замешана на искренности, была оборотной стороной подлинного желания настоящей, требовательной работы, радости от сотворчества. И то, и другое было для нас очень важно. И именно поэтому он с восторгом, пиететом отзывался о работе, а потом и человеческих взаимоотношениях, с Михаилом Андреевичем Глузским, Татьяной Васильевой, Владимиром Стекловым, в театре "Школа современной пьесы", конечно, с дорогими ему партнерами в нашем театре.

Тит в "Беренике" Расина - Евгений Дворжецкий. Нина Дворжецкая - Береника. Во время репетиций - какая требовательность друг к другу. Цепкость взгляда. Абсолютная вера. Нина для Жени была очень важным, значительным партнером. Помимо всего прочего, он очень ценил ее как профессионала. На репетиции "Марсианских хро-

ник" он, сидя рядом со мной, как-то, смотря из зала Нинину сцену, с восхищением и подлинным уважением сказал вслух: "Вот - актриса. Кто я рядом с ней?"

Удивительное сочетание мужественности и беззащитности, внешней уверенности и глубокой мягкости в характере Тита-Дворжецкого шло глубоко изнутри его личностной сути.

Эта его собственная лирическая нота, как мне кажется, все явственней проявлялась. В разных условиях и жанрах начинала звучать индивидуальная, его, особенная интонация. Она звучала все сильнее и определеннее, и могла бы все развиваться.

Женя начал помогать в педагогической работе на моем курсе ГИТИСа. Полная включенность, профессиональный интерес. В работе со студентами, мне кажется, он многое по профессии проверял для себя. Полностью сам сделал замечательный, с тонким психологическим рисунком отрывок "Дом с окнами в поле". На каждый зачет и экзамен студентов Женя приходил с камерой. Теперь в его домашнем архиве - десятки пленок со всеми студенческими работами. Он по-настоящему умел ценить "чужой" талант, внедряться в него. Азартный человек, с тонким реалистическим умом, Женя в какой-то момент, я уверен, мог бы прийти к режиссуре.

У него было потрясающее отношение к актерам старшего поколения, к "старикам". Некоторое время назад я задумал поставить "Аварию" Дюрренмата. Ему страшно нравилась эта идея. Он очень хотел сыграть с ними. Искренне жалел, когда репетиции приостановились.

Какая гордость за уровень личностных и профессиональных качеств отца Вацлава Яновича Дворжецкого. И мамы. Ривы Яковлевны Левиной.

Непререкаемый авторитет - мама. Мама - вера, мама - уверенность. Мама - гордость, великодушный театральный педагог. Сколько лет ездит Рива Яковлевна к своим из Нижнего Новгорода в Москву, и первый раз, сказала она, Женя ее не встретил. В эти дни.

Женя был "закоренелым" человеком, человеком с корнями. Династия Дворжецких - самостоятельные личности. Отдельные художники. Династия Дворжецких - олицетворение веры в театр. Генетической, от отца собранности. Старинной театральной интеллигентности. Он был по-настоящему всему этому верен. Дому родителей. Дому - семье. Театру. И нашему театру - Дому.

Он никогда не упирался в планку самодостаточности и, наверное, еще и поэтому сохранил полное ощущение молодости. При этом происходило самое главное - личностное взросление, рост. Все проверялось. Разнообразие его интересов не было всеядностью. Значимое оставалось, незначимое уходило. "Пусть я буду жадный, только не скупой", пел Окуджава. Женя был жадный до жизни, до работы. Все оборвалось на самом пике. А Женя оказался рядом с Окуджавой. На Ваганьковском.

Его триумф произошел в день, когда с ним прощались. Он был на сцене. Вокруг него стояли друзья и коллеги. И был переполненный зал. Люди - до верхнего яруса и во всех проходах, у каждой двери. И эти лица, и слова, которые звучали в его честь, в его память - это было признание настоящего Артиста.

На следующий день после похорон Нина играла спектакль. Другому и быть не могло. Женя бы не понял, если бы было иначе. Их бесконечная преданность театру, жизни, друг другу были неотделимы.

Мое чувство невообразимой утраты сочетается с чувством гордости за него. И за его жену. Они очень красивая пара. Женя и Нина. Они вместе шли по жизни. И продолжают быть вместе. У них есть чудесные дети - девятилетняя Аня Дворжецкая и семимесячный Миша Дворжецкий.